

© 2008 г. Е.А. Ковалева

ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ «МУДРОСТЬ»

Рассматривается вопрос о принципиальной возможности дефиниции понятия «мудрость». Это понятие является основанием философии, и проблема его определения – проблема предмета философии. Рассмотрение дефиниций понятия, обнаруженных в историко-философском контексте и творчестве исследователей данного феномена, преследует цель уточнения семантического пространства смыслов для фиксации «области мудрости» и для решения вопроса о возможности исчерпывающей позитивной дефиниции. Поскольку позитивная исчерпывающая дефиниция идеальных сущностей принципиально невозможна, прослеживается в каких смыслах мы можем говорить о реальности или идеальности мудрости.

Ключевые слова: мудрость, проблема, дефиниция, определение, возможность, реальный, идеал, мудрец, размышления, ценность, смысл бытия, истина, целостное знание, осмысление, постижение, искусственность, знание, опыт.

Понятие мудрость употребляется в речи довольно часто. Казалось бы, совершенно ясен его смысл, однако, говоря о мудрости, мы порой имеем в виду разные качества. Фольклор не дает дефиниций, ограничивается лишь «наглядными примерами» – называет, но не объясняет. Философия иногда пытается выстроить дефиницию по схеме: «мудрость – это...» (с предполагаемым равенством левой и правой частей), но чаще все же подходит к задаче более реально: «проявление мудрости – это ...» или «... – признак мудрости». Таким образом, понятие мудрости каждый раз оказывается шире определения. А следовательно, мудрость остается проблемой и для философского осмысления, и для самой себя. При этом под вопросом оказывается и сама философия, понимаемая как «любовь к мудрости» (philo-sophia: филия – любовь-дружба, стремление, софия – мудрость). Проблема статьи – принципиальная возможность дефиниции понятия «мудрость», являющегося основанием философии. Путь решения проблемы видится в следующем: обнаружение дефиниций понятия в историко-философском контексте и творчестве исследователей данного феномена и, насколько это возможно в рамках данной работы, рассмотрение некоторых из них с точки зрения выяснения их полноты. Это даст нам возможность очертить пространство мудрости и пространство не-мудрости. Поскольку позитивная дефиниция идеальных сущностей принципиально невозможна, нам потребуется проследить, насколько реальна мудрость и в каких смыслах мы можем говорить о ее реальности или идеальности.

Согласно наблюдению В. Зорина, «в философии советского периода проблема мудрости была фактически закрытой для специального анализа. Книги о мудрости до 1992 года не издавались. Во всех словарях советского периода, кроме словаря В. Даля, созданного задолго до революции, этот термин отсутствовал» [1, с. 25]. В последние годы появились исследования, специально посвященные теме мудрости: «Феноменология мудрости: образы мудреца в истории культуры» В. Н. Назарова (1993 г., Тула), «Мудрость философии и проблемы нашей жизни» Н. Аббаньяно (кон. 70-х – нач. 80-х гг. XX в., российское издание – 1998 г.), «Жизнь как проявление мудрости» В. Зорина (2006 г.), «Одна минута мудрости (сборник медитативных притч)» Э. де Мелло (русское издание – 2004 г.), а также ряд статей – Г. Г. Майорова, Ю. М. Лотмана.

Перед нами стоит задача определить понятие. Но определить, согласно замечанию Ф. Жюльена, означает «...«очертить пределы», провести границы, отделяющий один род от другого подобно тому, как межи делят земельные наделы» [2, с. 209]. Понятие мудрости представляется нам беспредельным – эта мысль звучит начиная с античности: мудрость – качество божественное, а установить пределы божества в принципе невозможно – в отношениях и времени, и могущества. Т. И. Ойзерман совершенно справедливо замечает: слово «мудрость», как и многие другие слова, слишком многозначно, и, поскольку эта проблема «никогда не обсуждалась положительными науками», «может быть, вообще лучше отказаться от слова «мудрость», отсутствующего в словаре положительных наук?» [3, с. 39-40]. Но даже зная, насколько сложно определить мудрость, все-таки хотелось бы очертить пространство, внутри которого мы будем двигаться.

«Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля определяет мудрость как «свойство мудрого: премудрость, соединение истины и блага, высшую правду, слияние любви и истины, высшее состояние умственного и нравственного совершенства» (в философском аспекте); «хитрость, искусство, уменье; замысловатость или трудность», различая мудрость Божескую – промысел, провиденье и мудрость человеческую, а также умствование, умничанье, заблуждения. Мудрец определяется словарем Даля как «философ, мудрый муж; человек достигший ученьем, размышлением и опытностью до сознания высших житейских и духовных истин» [4, с. 394]. Обратим внимание, что между понятиями философа и мудреца Даль ставит знак равенства. Словарь С. И. Ожегова более лаконичен: Мудрец – мудрый человек. Мудрость – Глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт. Мудрый – 1) обладающий большим умом; 2) основанный на больших знаниях, опыте [5, с. 369]. Как мы видим, словари определяют мудреца и мудрость через тавтологию: мудрый человек (Ожегов), мудрый муж (Даль); свойство мудрого (Даль), при этом позитивно фиксируют в качестве определяющего ум, опыт, знания. Ожегов на этом и останавливается. Даль же рассматривает ученье, размышление и опытность лишь как средство к достижению мудрости. Последняя позиция представляется более верной.

Философский энциклопедический словарь дает определение мудрости, почерпнутое в «Этике» Н. Гартмана: «проникновение чувства ценности в жизнь, в любое чувствование вещей, во всякое действие и реагирование вплоть до спонтанного «оценивания», сопрово-

ждающего каждое переживание... это можно было бы назвать этической духовностью, господствующим положением этики как основного духовного фактора во всей жизни человечества» [6, с. 279]. Новая философская энциклопедия трактует мудрость как «высшее, целостное, духовно-практическое знание, ориентированное на постижение абсолютного смысла бытия» [7, с. 618]. В данных источниках появляются новые, весьма важные для понимания мудрости определяющие понятия: этическая духовность, переживание, целостное знание, ощущение ценности, смысл бытия.

Что же подразумевает под мудростью философский дискурс? Многие исследователи пытались дать дефиниции этого понятия. Рассмотрим некоторые из них: «мудрость я определяю как знание плюс сознание его ограничений» [8, с. 91]. Этот гармоничный афоризм не может быть определением: нарушены правила определенности и позитивности, содержание понятия полностью не раскрывается и не задается объем. По сути, мудрость здесь оказывается сведена к скромности. «Искусство хорошо рассуждать, хорошо говорить и делать надлежащее» – также афоризм, акцентирующий внимание не столько на мудрости, сколько на образе жизни – он мог бы стать девизом «правильного» человека, у которого слово не расходится с делом, но далеко не всякий «правильный» человек – мудрец. «Быть ниже самого себя – это не что иное, как невежество, а быть выше самого себя – не что иное, как мудрость» [10] – с данным высказыванием хочется согласиться, но что значит «быть выше себя»? Определенности снова нет. Каждый может понимать это как хочет: быть выше себя в мыслях ли, в поступках ли, или в образе жизни в целом. Подняться над собой можно и в злодействе. Кроме того, здесь мы видим противопоставление мудрости и невежества, хотя вернее было бы противопоставлять невежество и знание. «Мудрость ... есть прежде всего беспредпосылочное умозрительное знание вечных предметов, направленное также и к разумному осмыслению всего существующего» [11, с. 48], «мудрость – это умение владеть своей душой, которой она руководит осмотрительно, с тактом и с чувством ответственности за нее» [12, с. 311] – определение мудрости через логически неопределенные понятия, например: вечные предметы, всё существующее, душа. Анализ данных дефиниций, разумеется, не является исчерпывающим, кроме того, рамки статьи не позволяют проанализировать все найденные определения. И все же для большего охвата интересующего нас пространства нужно привести еще несколько определений. «При нашем употреблении понятия мудрости она являет собой существенный момент идеала той совершенной искусности, которая достижима при наличности той или другой формы жизни человечества, другими словами, момент относительно совершенного конкретного выявления идеи гуманности» [13], «целостная истина бытия человека, укорененная в его сердце, разуме и образе жизни (в его мыслях, чувствах и поступках [1, с. 16], «мудрость есть особое знание, ориентированное на постижение общего смысла и абсолютной истины бытия и осуществляемое через духовно-жизненное вовлечение субъекта знания в процесс искания истины» [14, с. 272].

Итак, к мудрости имеют прямое отношение сознание, осмысление, понимание, постижение смысла и абсолютной истины, совершенная искусность, умение владеть своей

душой, возвыситься над собой. Однако мы видим, что приведенные определения не являются исчерпывающими. Тем не менее пространство мудрости очерчено. Соответственно ясно, что область контрадикторная и особенно контрарная мудростью не является. Чтобы вернуться к проблеме статьи – возможна ли исчерпывающе полная дефиниция? – нужно решить вопрос, не является ли мудрость химерой, реальна ли она? С одной стороны – безусловно реальна и проявлена в действительности, в конкретных людях, например, царь Соломон, Заратустра, Сократ, Эзоп, Гомер, Омар Хайям, Конфуций, Лао-цзы, М. В. Ломоносов, А. С. Пушкин, И. А. Крылов, Л. Н. Толстой, Д. Андреев, К. Э. Циолковский, В. С. Соловьев, Махатма Ганди, В. И. Вернадский, М. Монтень, М. Нострадамус, Ж.-Ж. Руссо, Шри Ауробиндо, Ошо, Н. К. Рерих, Ванга. Ряд можно дополнить фольклорными и литературными персонажами – вещице старцы греческой мифологии, сказитель Боян, волшебник Финн, богиня Афина, Шехеразада, Василиса Премудрая, Иванушка-дурачок (как ни парадоксально!), Ходжа Насреддин, Лукман Хаким, Козьма Прутков, Швейк и многие другие.

С другой стороны, поскольку определить, продефинировать возможно только то, что явлено нам непосредственно, мы должны найти ответ на вопрос – реален ли мудрец в этом смысле, то есть явлен ли он нам непосредственно? Исследователь античной философии П. Адо замечает, что мудрец для философа – это скорее идеал, описанный философским дискурсом, нежели образец, воплощенный в живом индивидууме [9]. В этом смысле реален не мудрец, а философ. Платон видит между философией и мудростью непреодолимое расстояние и определяет философию через то, чего она лишена – недостижимую, трансцендентную норму, которая, однако же, является ее собственной внутренней нормой. Эта мысль звучала еще у Пифагора: человеку, посвятившему себя исследованию истины бытия, остается только любить эту мудрость и неустанно стремиться к истине как к идеалу, а обладание ею благочестиво предоставить Богу [15]. Кант подчеркивает дистанцию, разделяющую философию и мудрость: «Человек, не обладает мудростью. Он лишь стремится к ней и способен только любить ее, что уже само по себе достойно уважения» [цит. по: 9, с. 280]. Мудрость Кант представлял себе в образе Учителя-мудреца, которого реально нигде нет – идеальной нормы. Эта идея, идея философа, говорил он, «встречается во всяком человеческом разуме»: мудрец есть идеал, существующий только в мысли и полностью совпадающий с идеей мудрости. Идея дает правила, также «и у нас нет иного мерил для наших поступков, кроме поведения этого божественного человека в нас, с которым мы сравниваем себя, оцениваем себя и благодаря этому исправляемся, никогда, однако, не будучи в состоянии сравняться с ним» [6, с. 341]. Хотя идеал и не существует в реальности, он – не химера, а эталон, по которому оцениваются и измеряются степень и недостатки несовершенного.

Итак, мы зафиксировали наличие некоего пространства, дистанции между реальностью с одной стороны и идеей, эталоном, идеалом – с другой. Таким образом мы получили противоречие: с одной стороны мудрецов можно назвать поименно, с другой – это только эталон, идеальная трансцендентная норма. Слова, сказанные в античности по дру-

тому поводу, можно с успехом приложить и к мудрецу, равно как и к святому. К лику святых не может быть причислен ныне живущий человек, так и мудрец в отечественной и западной традиции «рассматривается в качестве «полулегендарного патриарха знания». При этом исторические рамки мудреца принято отодвигать в далекое прошлое. Приводя пример истинного мудреца, мы склонны обращаться ко временам Сократа. Современники же Сократа относили истинную мудрость ко времени «семи мудрецов». А те в свою очередь предпочитали искать настоящих мудрецов среди легендарных поэтов и законодателей древности или среди восточных магов» [14, 272]. Современники (и соотечественники!) не замечают и не признают мудреца, поскольку «на мудрость, как и на солнце, нельзя смотреть в упор» [14, с. 273]. Здесь важен факт отстранения – временного или феноменологического. Последнее имеет место на Востоке, где никто не стесняется назвать мудрецом Учителя – гуру. Отсутствие такого отстранения констатируется горькой фразой «нет пророка в своем отечестве»: гораздо более охотно мы назовем мудрыми легендарных, полулегендарных и просто сказочных героев – безвестного монаха-летописца, волшебника Финна, Василису Премудрую, – чем исторические личности – Пушкина и Ломоносова; продукт литературной мистификации Козьму Пруткову, но только не его создателей – братьев Жемчужниковых и А. К. Толстого. Мы обнаружили, что мудрец не явлен нам непосредственно.

Вопрос о принципиальной реальности идеала в философском дискурсе решается двояко: утвердительно – в философии Востока и, как правило, отрицательно – в философии Запада. Советские исследователи, базирующиеся на ключевой в истмате идее прогресса, считают, что «абсолютный идеал – бессодержательное понятие. Идеалы историчны: они порождаются общественным развитием», и «мудрость не есть недостижимый идеал» [3, с. 43]. Э. В. Ильенков рассматривает путь к идеалу как «бесконечную задачу, решение которой предполагает охват всей мудрости человечества, да притом еще в «перспективе ее развития». Иными словами, идеал все время отодвигается от стремящегося к нему, он подобен восходящей лестнице: идеал прежней эпохи принципиально достижим, но каждая новая эпоха порождает свой, недостижимый сегодня и становящийся реальным в перспективе. Выстраивается следующая цепь: сегодняшней идеал сегодня недостижим, следовательно, в настоящем он еще не существует. А несуществующее в настоящем невозможно подвергнуть определению.

Вопрос о достижимости идеала конкретным человеком также решается двумя способами: 1) наличие или отсутствие мудрости – изначально и неизменно (Платон, стоики); 2) мудрость может быть достигнута, и для этого существуют пути (вся философия Востока, античные философские школы). Во всех философских школах античности П. Адо обнаружил так называемые духовные упражнения, являющиеся путем к мудрости, одно из которых состояло в своего рода расширении «я» до масштабов всей реальности [9, с. 220] – сходную позицию мы встречаем в философии даосизма. Это упражнение приводит индивидуальный разум к согласию с Природой как всеобщим Разумом, помогает ему уподо-

биться миру, погрузиться в мировое целое, стать не «человеком», а «Природой» [9, с. 222-228]. Путь к мудрости, указанный Конфуцием, – равновесие, регуляция [2, с. 109].

Таким образом, нами не было обнаружено исчерпывающей дефиниции понятия мудрости, но возможна ли таковая в принципе? Определить, продефинировать можно только то, что явлено нам непосредственно, но мудрец нам непосредственно не явлен. Мудрость – это идеал, далекий либо во времени, либо в пространстве («на солнце нельзя смотреть в упор», «лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстояньи»). Попытка познания феномена мудрости – это рефлексия. Как мы убедились, она возможна только в отношении прошлого (временные рамки мудреца относят к далекому прошлому – см. выше) или будущего («лестница» прогресса), но не настоящего. В результате такая рефлексия позволит получить только некоторые качества, но не определить мудрость вполне и, следовательно, неизбежно будет неполна. Определить что-либо в полном объеме возможно только в настоящем времени. Но этим занимается не философия, а наука. Мудрость же представляет собой понятие философское, причем не «одно из», а базовое, определяющее сам предмет философии. При этом мы знаем, что в отношении философских понятий исчерпывающая дефиниция невозможна. Но данный вывод не отменяет актуальности попыток определения, и вся история философии – тому пример. В отношении понятия «мудрость» такие попытки могут быть основаны на наличии или хотя бы обозначении путей к достижению состояния мудрости, иными словами на стремлении создать, смоделировать образ мудреца «здесь и сейчас».

Литература

1. Зорин В. Жизнь как проявление мудрости. Иваново, 2006.
2. Жюльен Ф. Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегия смысла в Китае и Греции. М., 2001.
3. Ойзерман Т. И. Проблемы историко-философской науки. М., 1982.
4. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2007.
5. Ожегов С. И. Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003.
6. Философский энциклопедический словарь М., 2001.
7. Новая философская энциклопедия. В 4 т. М., 2001.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
9. Адо П. Что такое античная философия? М., 2004.
10. Платон. Протагор. <http://ihtik.lib.ru>.
11. Лосев А. Ф. «Определения» – лексикографический итог всей философии Платона. // Платон Диалоги. М., 1986.
12. Монтень М. Опыты. В 3 кн. М., 1996. Кн. 1, 2.
13. Гуссерль Ф. Философия как строгая наука. <http://ihtik.lib.ru>.
14. Назаров В. Н. Феноменология мудрости: образы мудреца в истории культуры. Тула, 1993.
15. Майоров Г. Г. Роль Софии-Мудрости в истории происхождения философии. <http://ihtik.lib.ru>.
16. Кант И. Критика чистого разума. СПб, 1993.